

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДР.-РУС. *ХОМЪСТОРЪ*

Находящийся в Изборнике 1073 г. зооним *хомъсторъ* не раз привлекал внимание историков языка; словарная статья ЭССЯ отличается наибольшей основательностью и дает решение двойной задачи: в ней определен зоологический вид и объяснено собственно слово (ЭССЯ 8, 67—68.).

Трудность проблемы, противоречивость толкований обусловлены прежде всего тем, что Изборник, памятник переводной, именно для того произведения, где упомянут *хомъсторъ*, греческого первоисточника не называет, не идентифицировано оно и в исследовательской литературе об Изборнике. Назвать этот первоисточник — значит существенно продвинуться от догадок к фактам, поскольку соотношение слов и вещей на материале греческого языка известно несравненно детальнее, чем на материале языка древних славян. Идентификация всего произведения, занимающего лл. 156—157 Изборника — вопрос, в рамки «Этимологии» не вмещающийся, он будет рассмотрен в другом месте. Что же касается узкого контекста, фразы, в которой находится интересующее нас слово, то никто не обратил должного внимания на то, что ее фактически опознали первые исследователи состава Изборника А. В. Горский и К. И. Невоструев, когда они высказались по поводу содержания лл. 156—157: «излагается объяснение на Притч 30, 15 <...>, а затем объяснение и на все последующие стихи до 31 включительно»¹. Соответственно этому фраза *хомъсторъ роукама са опирага · и оудобъ оулавакъмъ · ть живеть въ полатахъ цѣсарьскихъхъ* (Изборник, л. 157) является переводом из Септуагинты: *καλαβώτης χερσίν ἐρείδόμενος καὶ εὐάλωτος ὢν κατοικεῖ ἐν ὀχυρώμασιν βασιλέως* (Притч 30, 28). Это — слова «Агура сына Иакеева, массаита», т. е. члена арабского племени потомков Массы (Быт 25, 14); данных о времени написания этой главы Книги притч не существует². Здесь *καλαβώτης* представляет собой не выходящее в классической филологии никаких разногласий название ящерицы (Chantraine, I, 123), название народное, засвидетельствованное в языке Аристофана («Облака» 170), причем как раз в таком контексте, который снимает недоумение относительно образа жизни ящериц: если на широтах Киевской Руси они сторонятся человеческого жилья, то в Средиземноморье дома ими кишат, в комедийной сцене ящерица сидит на карнизе мыслильни, над разинувшим рот Сократом. Этимологически неясному *καλαβώτης* соответствует в Вульгате *stellio* (<*stella* 'звезда'), в чем находят признак конкретной разновидности ящерицы.

В древнееврейском оригинале Библии, Масоре, словам *εὐάλωτος ὢν* нет соответствия, они добавлены греческими переводчиками, тогда как переводчики коптские сделали иное добавление, означающее, что это существо не 'легко поймать', а 'легко убить'³, последнее не очень хорошо вяжется с греческим пониманием, с тем, что писал

Иоанн Златоуст: «никто не обижает его», *οὐδεις λημαίνεται τοῦτον*⁴. Возможно, что не о лапках этого существа, или его 'руках', для которых в Изборнике применено двойственное число против греческого множественного (это является обычным грамматическим преобразованием в практике старославянских переводчиков⁵), в древнееврейском оригинале идет речь, здесь смысл скорее всего иной: это существо так крохотно, что человек его может взять руками, и все же оно знает, как проникнуть в царский дворец⁶. При переводе с иврита синтаксис перестроился, таким текстом Притч 30, 28 довольствовались европейское средневековье, ящерица получила свое скромное место в системе символов⁷.

Лютер, подвергнув ревизии текст Библии, заменил 'ящерицу' на 'паука', вследствие этого Библия на языках стран, принявших Реформацию, называет в Притч 30, 28 паука (нем. *die Spinne*, англ. *the spider*, франц. *l'araignée*), но на католическом юге в этом стихе осталась ящерица (итал. *il ramarro*, исп. *el estelion*). Новгородская Геннадиевская библия 1499 г. и первопечатная Острожская библия 1581 г. тоже говорят о ящерице, но в послепетровскую эпоху русская церковь, на словах всячески отмежевываясь от протестантизма, не устояла перед искушением поставить в русском синодальном переводе Притч 30, 28 паука, тогда как в синодальной церковнославянской Библии здесь значится *ящерица*, с подстрочным примечанием: «евр: паѣкъ»⁸. Сам факт простановки разночтения не в критическом, а в официальном церковном тексте необычен, таких подстрочных примечаний в синодальной Библии очень мало. В данном случае оно к тому же филологически несостоятельно и опять-таки покорно следует за движением мысли Лютера. Лютер полагал, что улучшает библейский текст, приближает его к букве и духу древнееврейского оригинала. На самом же деле он в данном случае выразил лишь точку зрения провансальского раввина Леви бен Герсома (1288—1344 гг.) на Притч 30, 28, одну из нескольких в раввинистической традиции.

В тексте Масоры здесь стоит ивритский гапакс *š'māmīt*, для доказательного истолкования которого данных у ученых раввинов не было, как нет их и в современной семитологии⁹. Вместо паука-раввин Абен Езра находил здесь обезьянку, а Саадия бен Иосиф, он же Саид ал-Файюми (892—942), творец арабского перевода Ветхого завета — ласточку¹⁰. Сейчас у Леви бен Герсома обнаружен единомышленник, о котором, впрочем, Лютер знать не мог, — анонимный иранский переводчик Книги притч, который «в целом хорошо понимал текст» и употребил в интересующем нас стихе сущ. *prstur*¹¹, ученым издателем памятника включенное в «список слов, отличающихся от слов классического персидского языка своими формами или значениями» и сопровождаемое толкованием: 'паук'¹².

Со временем даже протестантская наука признала, что достаточного основания для замены ящерицы на паука у Лютера не было, геттингенская знаменитость эпохи Просвещения Иоганн Михаэлис, впервые поставивший библейскую филологию на прочный семитологический фундамент, в своем «Немецком переводе Ветхого завета

с примечаниями для неподготовленных» вернулся к мысли о южных ящерицах, ядовитых гекконах, добавив: «У нас их нет вовсе; следовательно, я — слава богу! — не могу предложить никакого немецкого названия»¹³.

В отличие от этого творцы киевского Изборника 1073 г. отшутиться от стоявшей перед ними переводческой головоломки не могли и должны были выбрать один из двух путей — либо, как это случилось позже, передать *καλαβώτης* через *калавотисъ* (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 32), что еще более затемнило бы и без того трудный текст, либо совершить подстановку другой, понятной заказчику рукописи князю Святославу зоологической реалии. Выбор пал на хомяка. Между прочим, это проливает свет на одну — пусть незначительную, но живую — черточку славянского домашнего быта, на неизвестный из иных древних источников обычай содержать хомячков в неволе, в качестве комнатного украшения.

Почему хомяк в Изборнике называется *хомѣсторѣ*? Возможно, этимологи чрезмерно усложняют толкование этого слова, притягивая все даже отдаленно похожее фонетически, вплоть до звуков, издаваемых самим хомяком, и забывая о существовании абсолютно точного латинского соответствия — сущ. *comestor*, или **chomestor* (форма, реконструируемая по аналогии с множеством случаев засвидетельствованных равноправных написаний *co-* и *cho-*¹⁴). Такое славянское название грызуна (и его производное *хомяк*), как бы давно оно ни возникло, можно было бы отнести к книжному влиянию, идущему с запада; его восточный диалектный синоним — *карбыш* (Филин 13, 82; 14, 312). Семантически лат. *comestor* 'обжора' подходит к природе хомяка достаточно хорошо, норы этого полевого вредителя, в которых находят до центнера зерна, запасенного на зимний период, всегда доставляли немало хлопот земледельцам. Обычно это слово относилось к людям определенного склада или к нахлебникам (*comestor panis* или слитное *paniscomestor*¹⁵), но применимость такого названия к саранче и грызунам засвидетельствована в позднеантичной латыни — у Иеронима и Тертуллиана¹⁶.

Нем. *Hamster*, по консонантизму совпадающее с лат. **chomestor* и засвидетельствованное в письменности не позже киевского Изборника, по предложению Лескина считается славянским заимствованием. Однако оно могло возникнуть и непосредственно на латинской основе. В пользу славянского посредства говорит только один серьезный аргумент — направленность распространения зоологического вида, двигавшегося от славянского востока на запад, до Рейна, который перейден хомяками не был.

Примечания

¹ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1859, т. 2, ч. 2, 377—378.

² Torrey C. C. Proverbs. Chapter 30. — Journal of Biblical Literature, 73, 1954, 93—96; Eissfeldt O. Einleitung in das Alte Testament. Tübingen, 1964.

³ Varuqa A. Le Livre des Proverbes. P., 1964, 226.

⁴ Patrologia Graeca, 64. P. 1862, 737; Иоанн Златоуст. Творения, СПб., 1906, т. 12, ч. 3, 1136.

- ⁵ Шульга М. В. К истории грамматического выражения значения парности в русском языке. — В кн.: ОЛЯ. 1982. М., 1985.
- ⁶ Alonso Schökel L. Proverbios y Eclesiastico. Madrid, 1968.
- ⁷ Bauer J.-B. L'exégèse patristique créatrice des symboles. — In: Sacra pagina: Miscellanea biblica. Paris; Gembloux, 1959, vol. 1, 180—186.
- ⁸ Глаголев А. А. Комментарий на Книгу притчей. СПб., 1907, 91.
- ⁹ Haag H. Bibel-Lexikon. Tübingen, 1968, 368, 1755.
- ¹⁰ Toy C. H. A critical and exegetical commentary on the Book of Proverbs. Edinburgh, 1959, 535; Mac Kane W. Proverbs. A new approach. L., 1970.
- ¹¹ Mainz E. Le Livre des Proverbes en judéo-persan. — Journal Asiatique, CCLXVIII, 1/2, 1980, 71, 105.
- ¹² Mainz E. Vocabulaire judéo-persan. — Studia Iranica, 6, 1. Leiden, 1977, 75, 88.
- ¹³ Michaelis J. D. Deutsche Übersetzung des Alten Testamentes mit Anmerkungen für Ungelehrte. Göttingen, 1778, Bd. 7, 102.
- ¹⁴ Mittellateinisches Wörterbuch. Berlin, 1971, Lfg. 14, 540—550.
- ¹⁵ Lexicon mediae et infimae latinitatis Polonorum. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, 12, 633.
- ¹⁶ Thesaurus linguae latinae, Leipzig, 1911, vol. 3, col. 1781.

Г. Н. Лукина

**О ВЗАИМОСВЯЗЯХ
НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП
В СФЕРЕ КОНКРЕТНОЙ ЛЕКСИКИ
ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА**

Изучая культуру того или иного народа, представители исторической науки обычно делят ее на три области: материальная, духовная и социальная. Именно таким образом построены фундаментальные монографии историков древнерусской культуры по домонгольскому периоду¹ и более поздней эпохе XIII—XV вв.² В них, наряду с описанием состояния той или иной области культуры, рассматриваются иногда также и соответствующие названия самих предметов, реалий. Лингвистов же в первую очередь интересует лексика, в той или иной степени соотносящаяся с определенной областью культуры народа. Поэтому ввиду неодинакового объекта исследования, лексика, которая содержится в работах историков, и лексика, извлекаемая лингвистами из памятников письменности, в большинстве случаев не совпадает. А между тем сопоставление различных групп лексики иногда приводит к некоторым наблюдениям, в частности, и об их сравнительной хронологии, что в конечном итоге может представлять интерес и для истории народа в широком смысле.

Анализируя лексику, связанную с историей материальной культуры русского народа, следует прежде всего обратиться к ее раннему состоянию, т. е. тому, которое представлено в древнейших письменных памятниках. Именно этот период условно принимается нами, как это сделано в Словаре древнерусского языка XI—XIV вв., за один синхронный срез³.